

Вырастет — человеком станет

РАССКАЗЫВАЕТ МАМА...*

«Ты родился 13 апреля 1932 года в пристройке к школе небольшого села с красивым названием Роза-Долина, расположенного в 50 км от сибирского города Омска. Здесь твой отец, Александр Цильке, преподавал. Ему было тогда 22, а мне — 21 год. Родился ты хилым и орал беспрерывно. Школа — это не то место, где можно себе такое позволить, и отец твой решил воспользоваться случаем, чтобы отправить нас к моей матери, которая жила в селе Шёнтал, расположенном в 60 км от Розы-Долины. Благо, в один из слякотных апрельских дней в нашем селе появился Егор Барт, муж моей сестры Анны-Мариш. Продав на Казачьем рынке мясо и масло своего хозяйства, он возвращался из Омска в Тельман. По пути он заехал к нам в Розу-Долину. Отец твой попросил его взять нас с тобой в Шёнтал.

Нам предстоял путь в 60 км. Добравшись до нашего села, и подъехав к воротам моих родителей, Егор громко крикнул: «Тёща, открой ворота, я привёз вам внука!». Мать моя, твоя бабушка, быстро открыла ворота. Лошади медленно затащили телегу во двор... Они довольно заржали и стряхнули с себя густую пену. Мать, быстро схватив тебя, ревущего во всю глотку, на руки, понеслась в дом. Я слезла с телеги и с отёкшими ногами поплелась за ней.

Будучи главной повитухой в нашем селе, приняв более полутысячи родов, мама быстро развернула пелёнки, ощупала всего тебя своими опытными руками, что-то прищипывая, и тихо сказала: «Конечно, ребёнок будет плакать. У него же страшный нарыв на затылке. Надо вскрыть». Я испугалась и заплакала. Она подошла к шкафу, достала обычную бритву, которой когда-то брился наш отец, зажгла лампу и над пламенем подержала лезвие.

Ты лежал на маминой постели, обложенный большими подушками, и непрерывно ревел. Я следовала за матерью и, вся дрожа, просила не резать нарыв на твоей головке. Мать подошла к постели, повернула тебя животиком вниз и полоснула бритвой по опухшему и покрасневшему месту на затылке. Я вся сжалась, заревела и протянула дрожащие руки к тебе. Мать меня будто не слышала и продолжала знахарить. Кровь и гной потекли по белоснежной простыне. Мать быстрыми движениями выдавила всё из раны, чем-то промыла её. Думаю, это была водка. Ты жутко заорал и весь вспотел. Операция закончилась. Мать выпрямилась, стоя у постели, сложила руки и несколько минут молилась, прося Бога о помощи. Я завернула тебя в свежие пелёнки, и ты заснул.

Ты долго спал, думаю, целые сутки. Я стала беспокоиться и часто подходила к постели, прислушиваясь к твоему дыханию. Мать говорит мне: «Регина, что ты лезешь к нему. Ребёнок выздоравливает. Вот и спит»-. Через несколько дней ты ожил, стал меньше плакать. Мама сказала: «Жить будет! Вырастет — человеком станет». Она часто так о детях говорила».

...Она рассказала мне всё это, сидя рядом на диване в своей квартире в центре Висбадена, держа в руке Библию. Шёл 1992-й год. В конце рассказа она отложила Библию, положила мне руку на затылок, потянула к себе мою голову и сказала: «Вот здесь был нарыв. Костный нарост и сейчас ещё чётко прощупывается». Действительно, остатки того нарыва всегда смущают парикмахеров.

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ...*

Большая арба, нагруженная коробками с книгами, книжными шкафами и домашними вещами, медленно двигается по переулку. Незнакомый дядя, шагая рядом с лошадьми и держа вожжи в руках, разговаривает с моим отцом. За арбой следуем мы с бабушкой Эмилией, которая держит меня за руку и разговаривает со мной. Она предупреждает меня, чтобы я близко не подходил к телеге: «Что-нибудь может свалиться на твою голову». Не, помню как загружалась и как разгружалась арба. Помню только, как лошади, размахивая хвостами, медленно тащили телегу по переулку. Позже мне бабушка Эмилия расскажет, что отец в 1936 году купил небольшой домик, в который наша семья переселилась. До этого мы жили в пристройке у бабушки Марии. С этого дня между моими бабушками началась конкуренция за внука. Каждая из них старалась мне уделить как можно больше внимания. Они были очень разными, но для меня обе любимыми.

После того, как бабушка Эмилия похоронила в 1933 году дедушку Эмиля, она переехала в Новоскатовку, б. Шёнтал, и стала жить у младшего сына, моего отца Александра. Я был её первым внуком и этим всё сказано. Но мне нравилось гостить у бабушки Марии, матери моей мамы. Я любил бегать по блестящему полу в больших комнатах, понежиться в большой постели с мягкими подушками. Особо мне нравилось лакомиться взбитой сметаной, которую бабушка доставала прямо из деревянной маслобойки. Когда я в очередной раз собрался в гости к бабушке Марии, бабушка Эмилия нарядила меня в новый костюм, погладила мою голову и сказала: «Режинальд, веди себя хорошо у бабушки Марии, не балуйся». Я молнией понёсся по знакомому переулку, пересёк широкую центральную улицу, которую называли почему-то «профилем», и в считанные минуты предстал перед бабушкой Марией. Она сидела с соседкой на крыльце своего большого дома и радостно встретила моё появление словами: «А вот и внучек мой. Ты только появился из-за угла дома, как я заметила, что на тебе новый костюм», — сказала она и протянула мне обе руки, прижала к себе и посадила рядом на ступеньку. Мне предстоял денёк свободной жизни со всеми благами, о каких только может мечтать мальчишка в пятилетнем возрасте.

И ещё одно важное обстоятельство привлекало меня к бабушке Марии. Она не заставляла меня полоть в огороде. Это был сильный аргумент в её пользу. У бабушки Эмилиии на первом месте была работа в огороде. С самого раннего детства внуки привлекались к посильному труду: бросать семенной картофель в лунки, полоть посевы моркови, свёклы и других овощных культур, собирать картофель при копке. Ко всему этому нас с детства приучала бабушка Эмилия...

1 сентября 1940 года. Класс переполнен. Сидим по три ученика за маленькой партией. Звонок. В классе появляется учительница, словно сказочная фея: «Здравствуйте, дети!» Мы все дружно встаём: «Здрасьте». Фея: «Дети, поднимите руку, кто понимает русский язык». Я, ничего не понимая, о чём спрашивает учительница, но видя, что некоторые ученики подняли руку, последовал их примеру. Мой сосед, Йоганн Гаммер, спрашивает: «Ты что руку поднял? Ты же не понимаешь, что учительница спрашивает». Он перевёл мне вопрос, и я резко руку опустил. Фея улыбнулась. Первая моя учительница

Елизавета Даниловна осталась в моей памяти, как самая красивая и любимая учительница. С первого по четвёртый класс она ставила мне только пятёрки. Мне нравилось учиться. Я старался, чтобы не обидеть её. Мне очень хотелось покатать её на санках. Какие только фантастические планы я в своём детском мозгу не строил, чтобы только угодить ей и быть рядом с ней. В школу я шёл, как на праздник.

Через полтора десятка лет, будучи студентом Омского сельскохозяйственного института, я с отцом сидел на автовокзале в Омске, ожидая рейсового автобуса в Новоскатовку. Неожиданно отец обратил моё внимание на симпатичную, но уже немолодую женщину, сидевшую напротив нас и тоже глядевшую в нашу сторону. Я узнал свою первую учительницу. Рядом с ней сидел её муж... Мы с отцом подошли к ним и поздоровались.

Начались воспоминания. Её муж Усиков, участник войны, был назначен директором нашей школы после войны. Трудно было себе представить совместную жизнь двух таких разных по характеру и внешности людей. Отец, не склонный к мужской дружбе, нашёл общий язык с этим добродушным, грубоватым и внешне некрасивым человеком.

Когда я, учась в техникуме, был в новогодние каникулы в Новоскатовке, отец мне сказал, что Усикова повышают в должности, назначая заведующим районным отделом народного образования — «Районо», говорили тогда. Отец очень сожалел, что пришлось расстаться с «таким прекрасным человеком». У меня заканчивались каникулы, и мой отъезд совпал с отбытием Усиковых в районный центр. Отец предложил мне вместе с ними отправиться на лошадах.

Проводы в школе начались с вечера и продолжались до середины следующего дня. Завхоз школы погрузил их скромный скарб на сани, запряжённые парой лошадей. Усиковых закутали в большую шубу и усадили на кошму. В таком «упакованном» виде сани предстали предо мной у нашего дома. Я попрощался с родителями и провожавшими учителями, уселся удобно впереди укутанных Усиковых, взял вожжи и мы тронулись. По репликам, доносившимся из тулупа, я понял, что наш бывший директор в хорошем настроении и что дорога нам предстоит весёлая.

Погода портилась. Пошёл снег. Ветер нарастал. Путь предстоял не короткий — 40 километров. К вечеру метель усилилась. Я фактически ничего не видел. Лошади, эти удивительные животные, сами ориентировались в кромешной тьме. Всё чаще стали раздаваться голоса из тулупа. То ли сорились мои пассажиры, то ли бурно обсуждали проблемы будущего, мне не было слышно. Иногда они, перебивая друг друга, обращались ко мне с вопросами рассказать о своей студенческой жизни. Я не был расположен к сантиментам. Меня беспокоила эта тьма, правильно ли мы едем, не заблудились ли.

Лошади копытами мерно цокали по укатанному снегу, полозья на разные голоса скрипели и визжали. В ушах свирепо выл ветер, снежные хлопья залепляли глаза. Из тулупа мужской голос: «Регинальд, ты не замёрз?». «Нет», — отвечаю. Женский голос: «Регинальд, а ты помнишь, как во время войны картошку пекли в буржуйке, прямо во время занятий?». «Помню. Чтобы не перепутать её, мы царапали свои инициалы на коже. Но иногда клубни сильно обугливались, и букв было не видно, тогда начинались разборки», — отвечал я, задыхаясь от ветра и снега. На какое-то время голоса замолкали, а потом с новой силой возникали. А у меня в голове напутствие отца: «Регинальд, смотри, чтобы ничего не случилось. Такая дальняя дорога. Метель. Не дёргай коней, они сами знают дорогу». «Папа,

не беспокойтесь. Довезу я их», — успокаивал я отца. Теперь сидя на этих скрипучих санях в беспросветной тьме, меня одолел страх за свою любимую учительницу. Вдруг что случится?

Когда сквозь тьму я увидел слегка заметный огонёк и очертания домов, то догадался, что это Шербакуль — районный центр. Почему-то не ему, а ей сообщил: «Елизавета Даниловна, по-моему, мы добрались. Огоньки появились». Ответил он: «Регинальд, теперь я вылезу из этого проклятого тулупа и покажу тебе, куда нам ехать». Он сел рядом со мной и показывал, куда поворачивать. Как можно было в этой тьме ориентироваться осталось для меня тайной.

Глубокой ночью мы подъехали к большому дому. Усиков прыгнул с саней, взял за уздцы лошадей и повёл их вглубь двора. Елизавета Даниловна попросила его открыть дверь и исчезла в большом холодном доме. Мы с Усиковым занесли вещи в дом. Он попросил меня помочь растопить печь, а сам угнал лошадей в конюшню. Не помню, когда он вернулся. Я пристроился поближе к печке на раскладушке и моментально отключился. Утром на автобусе отправился в город. На занятия я не опоздал.

На автовокзале была моя последняя встреча с моей любимой учительницей. Позже я узнал, что жизнь у неё не клеилась с мужем. Он упрекал её в неспособности иметь детей. Ему их не доставало. И она... покончила с собой.

В ТЫЛУ*

...Мы были далеко от фронта, поэтому так остро не ощущали опасность войны, хотя в селе резко изменилась жизнь. Прежде всего, везде трудились женщины и дети. Редкий старик, и то больной, возился у своего жилища. Верховодил в колхозе, конечно, же не немец, а русский по фамилии Сторчак. Правда, ходили слухи, что он молдаванин. Коренастый, крупноголовый, с бульдожьим лицом и жёстким взглядом. Когда он появился в нашем селе, я не знаю. Думаю, в начале войны. Был он женат на нашей односельчанке — немке, перезревшей холостячке, с симпатичной внешностью, но каким-то прозрачным личиком. Деревенские мужики её недолюбливали. Оставалось загадкой, как этот мужлан уговорил её выйти за него замуж. К тому же у него было двое дочерей от первого брака, весьма ухоженных, но с явными чертами любимого папаши.

Я впервые столкнулся с председателем, когда начал пасти колхозных овец-маток, которых доили, а из молока изготавливали брынзу. Это была очень ответственная работа. «Помни, Цильке, ты головой отвечаешь за овец, хорошо паси их и вовремя на водопой сгоняй. Брынзу отправляем раненым солдатам на фронт. Понимаешь?» — наставлял меня председатель. Я, конечно, поверил тогда этим басням. Думаю, деликатесом лакомились местные и районные начальнички. А может, правда, на фронт отправляли в госпиталю.

Пасты овец, на первый взгляд безобидных животных, не просто. Я вставал в 4 часа утра, когда чуть свет забрезжит, потом бежал к загону, где меня уже ждали две доярки. Всего было около ста овец. Каждую овцу надо поймать и затащить в клетку. Затем сзади пристраивается доярка на карачках и начинает доить. Ты же несёшься за следующей овцой. А тут ещё эти два барана со страшными рогами. Сначала я их боялся, потом осмелел. Уже они стали меня побаиваться. После дойки гонишь стадо как можно живей на пастбища, километра за два от села. При утренней прохладе два-три часа животные аппетитно поглощают траву. Прозрачный воздух, аромат травы, шорох

передвигающихся и поглощающих траву животных — это не забыть мне никогда. Но наступает жара, и овцы сбиваются в кучу настолько плотно, что между ними невозможно пробраться. Только бараны теперь бодро вступают в бой. До сих пор не могу себе объяснить, откуда такая крепость в их рогах. Демонстративно бараны расходятся друг от друга задним ходом до 20 метров и более. На мгновение останавливаются, как бы примеряясь, правильно ли выбрана позиция, и с большой скоростью несутся друг на друга. Раздаётся глухой удар. Когда впервые это видишь, думаешь, сейчас треснет череп и баран замертво рухнет. Нет же. Всё повторяется сначала, будто запрограммировано. Так по несколько раз. Иногда они промазывают, тогда один или оба падают на колени. Как неожиданно начиналась драка, скорее, состязание, также неожиданно и заканчивается. Я ни разу не видел ран и крови на дуэлянтах. Удивительно, но самки, ради которых этот бой демонстрировался, оставались равнодушными. Изредка какая-нибудь овца бросала потухший от жары взгляд на самцов.

Страшно мне становилось, когда на небо надвигались чёрные тучи, предвещающие грозу. Овцы разворачивались головой против ветра и двигались навстречу стихии. Беда, когда ветер дул в противоположном от села направлении. Невозможно было развернуть их к селу. Ни крик, ни кнут — ничего не помогало.

Разговоров о том, что волки нападают на людей, было много во время войны. Говорили, что они убегают с тех мест, где идут фронтовые сражения — с запада на восток. В наших местах волков явно прибавилось. В сёлах заметно поубавилось собак. Зимней ночью в нашем дворе раздался громкий лай нашего Полкана. Мама зажгла керосиновую лампу и с бабушкой Эмилией вышли во двор. Пёс, задыхаясь от ярости, метался на цепи. Мама вышла за калитку и, естественно, в темноте ничего не заметила. Утром бабушка с ужасом обнаружила только цепь и ошейник у конуры. Она зашла в дом и сказала: «Дети, нашего Полкана волки сожрали. Зверьё!» Мы с братишкой Райнгольдом вскочили из постели, быстро оделись и побежали по волчьему следу. На снегу видны были капли крови и клочки рыжей шерсти нашего любимого Полкана. Примерно в 300-400 метров за деревней мы нашли место, где хищники растерзали свою жертву. Утоптаный снег, перемешанный с кровью и шерстью, говорил о том, что наш Полкан достойно сражался за свою жизнь. Мы заплакали и поплелись домой тропой смерти.

Может быть, один из этих волков следующим летом незаметно и подполз к моему стаду, вцепился своими клыками в горло овцы и поволок её. Я не сразу его заметил. Я сидел и рассматривал цветок, углубившись в размышления о тайнах его формы и окраски. И вдруг неожиданный шум. Это от топота овечьих ног. Стадо сбилось в кучу. Я вскочил и увидел волка. Он успел уже одну овцу зарезать, но не смог её завалить на спину, она была слишком тяжела. Тогда он вцепился в следующую. От неожиданности я забыл о страхе и со страшным криком, размахивая кнутом, побежал туда, где орудовал волк. Оказавшись в нескольких шагах от него, я увидел оскал и пронзительный взгляд зверя, который успел умертвить вторую овцу. Шум людей и скачущего всадника, несущихся из села, испугали волка и он, разомкнув челюсть, резко пустился наутёк в ближайший лесок. Овечки лежали недалеко друг от друга и истекали кровью. Ко мне вернулся страх и я, присев на корточки, заплакал.

Из воспоминаний брата Райнгольда Цильке: «Волки убежали только тогда, когда подоспевший чабан Ф. Ф. Беннер несколько раз выстрелил из ружья.

Картина была жуткая, кругом кровь и лежащие в агонии 11 овец. Когда я приблизился к месту происшествия, то увидел своего брата в слезах, он рыдал от беспомощности. Несколько парней, старше Регинальда на 2-3 года, прибежали с ножами и прирезали умирающих животных. Не успели мы погрузить туши на телегу колхозного конюха И. И. Швайцера, чтобы увезти их в деревню, как люди заговорили о том, что за убытки кому-то придётся нести ответственность, то есть суд и тюрьма. Ввиду несовершеннолетия пастуха (11 лет), отвечать, наверное, придётся нашей маме, рассуждали односельчане. От этих разговоров нам с братом стало ещё горше. Мама пасла стадо колхозных коров в другой стороне и ничего не знала о случившемся. Помогли люди добрые – овец быстро разделали на мясо, перевезли в колхозный продуктовый склад и сдали кладовщику. Этот мудрый человек раздал баранину колхозникам «в долг». Всё обошлось.

После мужественной «акции» по «спасению» овец Регинальду поручили более «крупное дело», стадо телят – 100 голов. А через год несовершеннолетнему пастуху «с большим опытом» поручают пасти посменно с нашей мамой стадо дойных коров. Регинальд пас днём, а мама и тётя Альвина уходили на смену вечером и ночью».

Сельчане очень боялись председателя колхоза. Своей безграничной властью он мог расправиться с каждым и в любое время. Так предписывалось указаниями военного времени. Большие семьи, а их было большинство в колхозе, сильно страдали от нехватки продуктов питания. Голод неумолимо наступал. Весной люди еле дотягивали до первой зелени в огороде. Главным спасением была, конечно, картошка — этот священный продукт военного лихолетья. Большинство семей держали корову, иногда две, но надои были низкими, особенно зимой из-за отсутствия полноценных кормов. На соломе, которой тоже не хватало, и картофельной кожуре, много молока не надоишь. К тому же весной на коровах пахали в колхозе. От этого изгачения над животным, от которого часто зависело выживет ли семья, мы, дети, сильно страдали.

Коров на колхозную работу обычно сопровождали мальчишки 10-12 лет, редко наши матери. В плуг запрягали три пары коров. Каждый из нас управлял своей коровой, но так, чтобы она не переусердствовала. Жалко же её было. Возникали конфликты. Брауне, так звали нашу корову, крупная, красивая и темпераментная, постоянно вырывалась вперёд, беря большую нагрузку на себя. Я как мог придерживал её, поглаживал. Но к концу работы она вся выпотевала и глубоко дышала. Тогда как другие коровы симулировали, не без помощи своих юных хозяев. Для нашей кормильцы эта ударная работа кончилась плачевно: Брауне осталась яловой. Наше хозяйство лишилось приплода и молока. Надежды теперь связывались с коровой бабушки Эмилии — Бунте, но и она нас подвела. Во время отёла с ней приключилась странная болезнь. Она не могла подняться на ноги. Трое ночей мы по очереди с мамой и бабушкой не отходили от неё. Ветеринар пытался её вылечить велосипедным насосом, закачивая воздух в соски. Но всё безрезультатно. Пришлось заколоть её, а мясо сдать в колхоз. Не помню уж, по какому благу, но бабушке взамен дали тёлку, которая через полтора года отелилась. Год без молока в семье с пятью детьми был очень трудным. Зигмунду было 2 года, Гергарду — 3, сестрёнке Лили — 6, Райнгольду — 9, мне — 11 лет. А как хотелось молока! Соседи это понимали. Возвращаясь из молоканки после сепарирования молока, где сливки безвозмездно отдавались государству,

женщины останавливались у нашего дома и давали нам возможность черпнуть из ведра кружку обрат.

Теперь главная надежда на картошку. Бабушка после долгих просьб всё-таки выпросила в сельсовете соседний огород, годами заброшенный и густо заросший сорной травой. Засадил мы этот огород, где разрезанными на четыре части клубнями, а где просто кожурой. После всходов нам пришлось, кто, конечно, на ногах стоял, крепко сражаться с сорняками. Всё лето без продыху. Мама в колхозе от зари до зари, а мы — это я и Райнгольд с бабушкой не разгибали спины. Самых маленьких, чтобы не уползли к скоту или на улицу, бабушка привязывала за ноги к ограде или садила в большую корзину, которую они раскачивали, пока она не опрокинется, и оттуда выползали.

Наш труд был сполна вознаграждён. Картошка уродилась отменная. Зато на копке картофеля нам всем опять досталось. Сколько же мы вёдер и корзин набирали и ещё тащили их через два огорода в погреб. Это было наше спасение. Впереди была длинная зима. Мы каждый день ею питались. А сколько было семей в нашем селе, особенно в соседних сёлах, которым картошки на зиму не хватало. Помню зиму 1943 года, когда на пороге нашего дома появлялись мальчишки в лохмотьях и с сумой на животе. Бабушка заставляла меня спуститься в погреб, достать ведёрко картошки очередному посетителю. Она никогда не отказывала в помощи просящим, хотя и приговаривала: «Надо было летом меньше лениться, тогда бы картошка уродилась. Не пришлось бы зимой попрошайничать».

Но долгая зима была не только страшна голодом. Морозы в годы войны были особенно свирепы. Мы мучились с колодцами. Они настолько изнутри закрывались льдом, что ведро не пролезало. Мама ломом кусочек за кусочком откалывала лёд, который проваливался в колодец. Пустым ведром трудно, а иногда и невозможно было достать воду. Мы с Райнгольдом накладывали лёд в ведро, и тогда удавалось черпнуть воды. Не обходилось без приключений. Ведро и верёвка — это богатство в хозяйстве во время войны. В один из морозных дней мы с братцем так старались, что ведро оборвалось и утонуло. Его можно было достать только специальным якорем — «кошкой». А его у нас не было. Редко у кого на селе имелся такой инструмент. Мама попросила у соседа дяди Гаммера «кошку». Большой жмот, он неохотно делился своей собственностью с соседями. Но на сей раз уступил. Мы с Райнгольдом ринулись к колодцу, привязали немудрёную железку к веревке и опустили её в колодец, забитый кусками льда. Райнгольд поводил верёвкой, покрутил её и вдруг: «Регинальд, по-моему, якорь оторвался». «Как, ты же его хорошо привязал?» — вырвалось у меня. Смотав верёвку, мы побрели домой, зная, что нас ждёт. Но мать, видя нас, дрожащими от холода и страха, не стала ругаться, а только сказала: «Что же слепому Гаммеру скажем? Вот беда-то». Скот в тот вечер остался непоеным. Поужинав, мы с братом разместились у стола приготовить домашние задания. Мама с бабушкой о чём-то говорили, сидя у печки. И вдруг резкий стук в окно. Не догадавшись, кто мог в такую пору беспокоить, мы ринулись с братом к окну, став коленями на скамейку. Сквозь замёрзшее стекло ничего не видно было, но мы услышали чёткий голос соседа: «Где «кошка», вы почему её не вернули?...». Он ещё что-то сказал, но мы молнией отскочили от окна и заметались по комнате. Переговоры продолжила мама, объясняя соседу, что дети замёрзли, наверное, плохо привязали «кошку», поэтому она оборвалась. «Извините нас, пожалуйста, дядя Гаммер, завтра достанем её и сразу принесём вам», — спокойно, не выдавая волнения, сказала мать. На следующий день тётя Альвина помогла нам достать якорь и мы

его отнесли соседу. Больше мы к нему не обращались.

О хлебе мы забыли во время войны. Если матери удавалось раздобыть немного зерна, то его на ручных жерновах размалывали, и варили нечто, похожее то ли на густой суп, то ли на жидкую кашу. Если стараниями мамы в доме появлялась мука, бабушка изготавливала тесто наполовину из толчёной картошки, а наполовину из ржаной муки. Получались вкусные и сытные лепёшки.

Сельчане всегда с нетерпением ждали конца уборки. Глубокой ночью мы с мамой отправлялись на убранные от зерновых культур поля и собирали колосья. Они были видны только при лунном свете, но тогда и нас могли увидеть стражи порядка, прежде всего Сторчак. Однажды мы отправились часов в 10-11 часов вечера. На небе негустые тучки, сквозь которые пробивался лунный свет. Мы вышли на опушку леса, где раскинулось огромное поле. А на нём в лунном отражении блестели колосья, наполненные зёрнышками. Мама работала на комбайне, сбрасывая солому с копнителя, поэтому она знала, на каких полях после уборки можно было собрать «богатый урожай». В одной руке волочёшь мешочек, а другой туда засовываешь колоски. Но мы в постоянном напряжении. Мама через каждые несколько минут заставляет меня плашмя ложиться на землю и прижаться ухом к ней. Не слышен ли гул колёс председательской трашпанки. Это такая четырёхколёсная телега с плетёным сооружением, похожая на продолговатую корзину. Звуки её колёс были известны всем сельчанам. В тихую ночь их отличали от десятков других. В ту ночь мы с мамой вернулись почти к утру с мешками, плотно заполненными колосьями. На сей раз, опасность нас миновала.

Не всем и не всегда собирателям колосьев так везло. У нашей родственницы тётки Вагнер милиция, видимо, по доносу, произвела обыск и обнаружила несколько килограммов зерна ржи. Её без суда и следствия отправили на семь лет в тюрьму, лишив пятерых детей матери-кормилицы. И это не единственный случай в нашем небольшом селе, когда за несколько килограммов зерна полуголодных людей заточали в тюрьму.

Но не только чиновники разного ранга преследовали людей за малейшие провинности. Сами люди становились подозрительными, завистливыми и жестокими. Кизяка, заготовленного из навоза летом, зимой не хватало на топливо. Приходилось в стужу и метель на корове отправляться в лес. На этот раз мы отправились втроём — мама, тётя Альвина и я. Вокруг нашего села лес был уже, по существу, вырублен, а у соседей-казахов он ещё сохранился. Туда мы и отправились, хотя знали, что, если поймут, добра не жди. Вымя у коровы замотали тряпками, чтобы не заморозить. Стоя по пояс в снегу, мама и тётя пилили берёзы, а я очищал их топором от веток, чтобы плотнее укладывать на санях. Втроём быстро, заготовив нужное количество лесин, мы их тащили к слегка укатанной тропе, и укладывали на санях. Завязали их верёвками. Я повёл корову, а мама и тётя с обеих сторон, подталкивая сани, помогали ей вытащить их на дорогу. Наша гордая Брауне, пыхтя и задирая голову, блестяще справилась с задачей. Сани теперь легко скользили, и нам можно было следовать за ними.

Тут мы услышали сзади цокот копыт, оглянувшись я увидел всадника, быстро догоняющего нас. Беда! Подскочив на гнедой худой лошадке, казах заорал: «Эй, ти, где лес воровал. Свой вес изжигал. Тепер за наш шахатский взялся». Проскакав вперёд, он пытался остановить корову. Но не тут-то было. «Останови корову. Срошно останови», — орал казах. Мы с тётей Альвиной смогли корову остановить только после того, как мы её на обочину, в снег завели.

Она пыхла и мотала головой. А казах тем временем, не слезая с лошади, потребовал: либо мы повезём лесины в аул, либо отдадим ему топор. Мама пыталась убедить преследователя, объясняя ему, что у неё дома много детей, они замерзают, потому что печь нечем топить. Умоляла не лишать нас топора. С коня он не слез, видно, боялся. Начинало темнеть. Мы боялись, что ещё его односельчане прискачут. И топор отдали. Это была большая потеря для хозяйства в то суровое время. Всадник ускакал. Корова, выбравшись из снега, быстро понеслась по накатанной дороге. Мы еле поспевали за ней. Мама плакала.

Через полгода жарким летним днём я и тётя Альвина отправились в тот же лес заготовливать кору тальника для выделки кожи. Мы всё глубже пробирались в лес, чтобы отыскать подходящий тальник, комары всё сильнее одолевали нас. Мы беспрерывно отбивались берёзовыми ветками. Тётя шла впереди, я следовал за ней. И вдруг она резко остановилась, стала пятиться назад, и, повернув голову ко мне тихо, почти шёпотом сказала: «Там человек лежит. Он накрыт простынёй. Наверное, живой». Мы быстро выбрались из этого леса и направились в другой. Тётя мне объяснила, что это, видимо, дезертир, человек, который либо из действующей армии или из трудармии сбежал. Я спросил: «А что будет, если его милиция поймает?». «Его в тюрьму отправят или расстреляют», — ответила тётя.

Ещё двух дезертиров я увидел в нашем доме. Оба из соседнего села Тельмана, расположенного в пяти километрах от нас, но уже в Казахстане. Фамилии их я забыл. Видно, там легче было ускользнуть от милиции и НКВДешников. В нашем селе не было дезертиров. Я с детства был подвержен внушению, поэтому официальное отношение к беглецам воспринималось мною как должное. Слово «дезертир» в те годы имело крайне негативную окраску. Даже мы, дети, презирали их. Враг, предатель, изменник, трус — все эти понятия вызывали у меня отрицательные эмоции. И тут мама мне говорит, что у нас в доме дезертир. «Это наш родственник из Тельмана, у него сломался велосипед. Он отремонтирует его и вечером, когда стемнеет, уедет. Только, дети, никому не говорите, что у нас дядя из Тельмана был», — просила мама. Нам такие страсти рассказывали о том, как милиционеры расправляются с дезертирами, что мы и не думали кому-нибудь что-то рассказать. Никто у нас и не спрашивал, а если бы милиционер с наганом приехал и начал спрашивать, не видели ли мы дезертира, то нетрудно себе представить, как мы бы себя повели. Ещё одного дезертира я в нашем доме увидел, когда мама ему четверть самогона отдала взамен на мешок ржи. Он запомнился необычно розовощёким и весёлым. То ли под градусами был, то ли по другой причине возбуждился. Но в моей детской голове не увязывалось вместе то, что происходило вокруг и этот бравый молодец. Он, конечно, благополучно пережил военное время, но я его никогда больше не видел.

Самогонщиков строго наказывали, вплоть до тюремного заключения, если их, конечно, удавалось выявить. Но у них была одна лазейка. Сами руководители любили прикладываться к рюмочке, а водки-то не было в магазинах. Вот они и попивали самогонку, покрывая ее изготовителей. Мы с мамой тоже варили самогонку из зерна озимой ржи. Занимались этим делом глубокой ночью. Как же я хотел спать, сидя в сарае перед печуркой, на которой громоздился этот несуразный самогонный аппарат. Надо было огонь в печке постоянно поддерживать. Когда капли вонючей жидкости стали первый раз появляться из трубочки, мама мне говорит: «Регинальд, попробуй, это действительно самогон? А то, может, просто вода». Откуда я мог знать вкус самогона. Я палец поднёс к

трубочке и облизнул его. «Мама, это же гадость какая-то. Меня тошнит». «Значит, самогон», — сказала она, достала спички из кармана фуфайки, накапала немного жидкости в кружку и поднесла зажженную спичку. На дне кружки появилось синее пламя. На раскрасневшемся лице её появилась улыбка. Первая попытка удалась. Самогон можно было обменять на зерно. «Будет мука на лапшу и олады, а то маленькие совсем ослабли, Зигмунду уже пять лет, а он на ноги ещё не встаёт», — рассуждала мама, когда дно стеклянной банки покрылось горючей жидкостью.

Мне, кажется, мама днём и ночью размышляла только о том, как прокормить семью из семи ртов. Однажды весной было совсем плохо с едой. Оставалась только картошка. Тогда мама принесла ведро лебеды, вернее, отходов после очистки зерна из колхозного склада. Бабушка долго с ними возилась, промывала в воде, высушивала, добавила картошки и спекла лепёшки. Все их пробовали, но они так и остались недоеденными на подоконнике в кухне. Многие же их ели в селе. Бабушка сгребла их в подол и отнесла поросёнку. «Значит, ещё не очень голодны наши детки, если не хотят кушать эти лепёшки», — обращалась она к матери, глядя на нас, как мы за столом картофельный суп хлебаем.

Несмотря на недоедание, холод и унижения селяне жили своей жизнью. Пожилые собирались по очереди - то в одном, то в другом доме. Здесь они молились, читали Библию, а чаще всего, просто общались между собой. О чём бы разговор ни заходил, но заканчивался он всегда тем, долго ли ещё продлится война, и когда вернутся мужья, отцы и братья из трудармии, а в некоторых семьях ждали матерей и дочерей.

Не помню, чтобы взрослые пели песни или слушали музыку. В клубе иногда показывали фильмы. Правда, всё про войну, главным образом, о фашистских зверствах. И ещё про Чапаева и Петра Первого. Чтобы попасть в кино, надо было платить двадцать копеек. А где их взять? Был ещё один выход. Киноаппарат работал от динамо-машины, которую надо было крутить вручную. У кого денег не было, тот в залог сдавал свою шапку или фуражку и должен был одну часть прокрутить. Это было нелегко при наших жидких силёнках. Динамо надо было крутить с определённой скоростью. Стоило только замедлить темп, как на экране всё замирало, а звук приобретал мычащие отголоски. В зале кричали: «На мыло, на мыло крутильщика!» Один срыв прощался. При повторе, когда рёв в зале усиливался, киномеханик хватал несчастного за шиворот, вручал ему залог, то бишь головной убор, и выгонял из зала. Я сам был раз в роли крутильщика. Когда я вернулся потрёпанным домой и рассказал бабушке, как меня вытурили из кино, она сказала: «Что же ты, Регинальд, денег не попросил. Уж двадцать копеек я нашла бы». Больше мне не пришлось закладывать шапку.

Кроме кино, у нас было ещё одно развлечение. Мы собирались по 5-6 мальчишек и девчонок вечером, обычно в субботу, у кого-нибудь в доме из моих сверстников. Редкие родители соглашались нас такой гурьбой принимать. В нашем доме таких встреч не было. В этом отношении не было равным моей тётке Анне, жене брата моего отца — Фридриха. Живя в постоянной неустроенности по вине мужа, незаурядного сапожника и балагура, она любила ходить в гости посудачить. И даже в эти суровые годы она не отказывалась от своей привычки. Это был её второй брак. Дядю и шестнадцатилетнего сына от первого брака Эрвина угнали в трудармию. Она осталась с дочерью Идой, моей ровесницей, и сыном Рубином. Рыжеволосая моя сестрица отличалась бурным нравом и

компанейским характером. У неё мы любили собираться и устраивать весёлые вечеринки. Мне нравилась игра в «испорченный телефон». Но не нравилось, когда мальчишки сквернословили и позволяли себе нагло тискать девочек, а то и заваливать их на постель. Девочки визжали, но мне иногда казалось, что им это нравилось. Начитавшись Тургенева и Чехова, я имел свои представления о взаимоотношениях между девочками и мальчиками.

Частенько нас тревожили хулиганистые более взрослые, чем мы, мальчишки, которыми верховодил Кондрат, прозванный «кудряшом», благодаря необычно мелко скрученным волосам — редкой мутации в белой расе. Они свирепо стучали по замёрзшим стёклам, требуя открыть дверь. Мы их боялись и замирали. Переговоры вела обычно Ида, как самая отчаянная и бесстрашная среди нас. Она говорила: «Уходите, хлопцы! Скоро мама моя вернётся, она поддаст вам». И угрожала: «Только сломайте стёкла, сами будете стеклить окна». Иногда парни удалялись, называя девочек потаскушками, а нас трусами. Но однажды они залезли через дыру в коровнике, соседствующем с прихожей, и появились в комнате разъярённые и обмазанные навозом, испортив вечеринку.

Если не считать мою любовь к первой учительнице, то на этих вечеринках у меня впервые проявилось необъяснимое чувство к противоположному полу. Оно выразалось в желании сидеть рядом с одной большеглазой блондинкой, рассматривать её и разговаривать с ней. Мои дружки были настолько наивны, что после вечеринки, уходя, распределялись парами не по желанию, а по жребию. Я противился и уходил один домой. На следующей встрече Ида стала на мою сторону: «Мальчишки, Регинальд, не хочет, кого попало провожать, пусть сам выбирает себе девчонку». И я выбрал блондинку. Говорил я беспрерывно о прочитанных книгах, звёздах и баранах, которых летом пас, а она слушала и улыбалась. Мороз крепчал, и она предложила: «Ноги мёрзнут, пойдём домой. Хочешь, ещё встретимся?». Я пожал ей ручку и пошёл по утоптанной тропинке, радуясь и восхищаясь необыкновенно яркими звёздами. Иногда я останавливался и слушал музыку морозной ночи. В школе мы поглядывали друг на друга, стесняясь и пугаясь злых языков. Через неделю мы снова встретились у Иды. Весь вечер я смотрел только на блондинку. На этот раз я мало говорил, чтобы она не подумала, что я болтун. За пазухой у меня был подарок — новая тетрадка в линейку, но я не мог придумать, как его вручить. Уже после того, как она сказала: «До встречи!», я резко вытащил слегка помятую тетрадку и протянул подруге. Она улыбнулась и тихо сказала: «Спасибо». На следующий день я не увидел её в школе. Думал, заболела. Но вездесущая сестрица Ида с явным сожалением мне сообщила, что она с семьёй переехала в Чапаево. Так неожиданно зародилась и завершилась моя любовь к девочке, которую я никогда не видел более, но никогда не забывал. Было мне тогда 11 лет.

После войны*

Если начальную школу я закончил круглым отличником, то, начиная с пятого класса, учёба у меня не клеилась. Расставшись со своей любимой учительницей Елизаветой Даниловной, я не смог свыкнуться с тем, что различные предметы преподаются разными преподавателями. У каждого был свой нрав, к которому я не мог пристраиваться, ибо сам отличался своеобразным характером.

А тут ещё отец вернулся из трудармии и стал преподавать в нашей школе. Моё положение резко ухудшилось, ибо учителя желали во мне обнаружить

таланты отца, которых у меня не было. Словом, седьмой класс я окончил с посредственными оценками.

Наш саманный домик от температурных перепадов стал быстро разрушаться и к весне 1947 года у него вывалился один угол. Отец купил дом в Тельмане у дяди Петра Цайтлера, который переехал в другое село. Теперь мы оказались в Казахстане. Летом я трудился в колхозе на сенокосе, а осенью — на уборке урожая. Сенокосы располагались в 5-6 километрах от села. Ночевали мы в специально сооружённой из жердей и покрытой свежим сеном юрте. Вставать приходилось очень рано. Косьба начиналась по росе и прохладе. В жару лошади и волы страдали, поэтому мы стремились утром до наступления, а с обеда после спада жары до позднего вечера косить траву...

Наступала самая ответственная пора – уборка пшеницы. Подросткам предстояло зерновозками отвозить зерно от комбайна. В зерновозку запрягалась пара лошадей или пара волов. Надо обладать завидным мастерством и незаурядной выдержкой, чтобы выдержать такую нагрузку целое лето. Погонщик стоял с утра до вечера на дышле между волами или сидел на одном из них, направляя и погоняя кнутом или палкой этот «караван». От зари до темна в опасности – настоящее «колхозное родео».

У Регинальда был только один мерин, и бригадир предложил ему поставить его в пару с верблюдицей Флорой.

Вся бригада собралась утром, чтобы поглазеть, как в паре будут себя вести лошадь и верблюд. Вначале запрягли верблюда. Когда стали подводить коня, верблюд стал издавать истошный рёв и плевать. Конь стал как вкопанный, весь дрожит.

Общими усилиями запрягли и коня. Теперь Регинальду предстояло залезть в зерновозку. Не успел он взять в руки вожжи, а помощники отпустить уздцы, как несуразная пара с грохотом понесла повозку. Стоило только верблюду рыкнуть, как лошадь в дрожь и сама волочит зерновозку. Только один день он работал с этой парой.

Потом ему дали пару молодых волов. Намучился с ними, но от своих товарищей не отставал. Было сложно. Волы мотали головой, дёргались по очереди, но дружно с места не двигались. А часто просто ложились.

Всю уборочную я проработал на паре молодых волов. Намучился с 11 ими, но от своих товарищей не отставал. Всегда сложно было после загрузки зерна от комбайна с места сдвинуть повозку на мягкой помпе. Волы мотали головой, дёргались по очереди, но дружно с места не двигались. А часто просто ложились. Вот уж и впрямь сказано: «А воз и ныне там». Но не только мои волы вели себя так норовисто, поэтому пацаны помогали друг другу, погоняя животных кнутами с двух сторон. Комбайны не должны были простаивать из-за несвоевременной разгрузки, поэтому нам приходилось очень напряжённо работать. Самой трудной работой для нас, пятнадцатилетних, была — разгрузка лопатой терна. Мы буквально надрывались. Зерно было сырым и обычно очень засорённым, поэтому слёживалось при тряске в повозке. Иногда так устанешь при разгрузке, что с ног сваливаешься. Женщины, работающие на току, помогали нам, когда видели, что нам невмоготу. За день умотаешься так, что к вечеру еле ноги волочишь, а как упадёт роса и комбайны прекращают косовицу, бригадир уже поджидает нас на току и даёт каждому задание: нагрузить повозку очищенного зерна и отвезти в село. Это называлось: сдать хлеб в закрома Родины.

Весной 1949-го года мы завершили учёбу в восьмом классе, и покинули село, которое мне так понравилось, но которое мне уже не пришлось больше посетить. Извлечённое здесь из памяти — это лишь мгновения той большой и интересной жизни, жизни не под крылом родителей, а самостоятельной, хотя и полностью за их счёт. Но это было всё-таки началом новой жизни.

Наша семья возвращалась в Новоскатовку. Главной причиной столь быстрого возвращения в российское село явилась настойчивая попытка коменданта по переселенцам поставить нашу семью на спецучёт в Казахстане. Теперь мы снова стали гражданами РСФСР, преодолев расстояние в 4 километра. Это возвращение стало целой эпопеей.

Сразу же после того, как завалился наш саманный дом в Новоскатовке, отец, продолжая учительствовать здесь в школе, пытался выкупить дом в колхозе, который до войны принадлежал нашей бабушке Марии Цайтлер. Этот дом был построен в начале 20 века моим дедом Петром Цайтлером. К началу второй мировой войны в доме оставалась жить одна бабушка, но она решила переехать к старшей дочери Полине. Дом оказался в колхозе, не знаю, на каком основании. В этом доме выросла наша мама, и отец решил вернуть его нашей семье. Ему предложили его выкупить, хотя колхоз присвоил его себе безвозмездно. Согласно уставу колхоз не имел права продавать общественную собственность, но, нуждаясь в деньгах, пошёл на нарушение его. Отец заплатил деньги, не помню сколько, но кто-то настучал властям и правление пошло на попятную. Отец, большой спец по сочинению официальных бумаг, решил действовать. Начиная с сельской, районной и кончая верховной властью страны, отец добился того, что продажа была признана правомочной. Ведь колхоз фактически экспроприировал дом.

На селе долго муссировали этот неординарный случай. Как это Цильке вернул женин дом? Нам с Райнгольдом предстояла большая работа. Во время войны в доме хранили колхозное зерно, что привело к тому, что одна стена стала выдавливаться. Стену пришлось основательно укрепить. Около дома уже не было ни одной хозяйственной пристройки. За лето из самана и пласта мы всё построили. Вместе с отцом мы нарезали пласт в лесочке за селом. Это рабский труд. Отец держал и направлял лопату на определённой глубине, а мы с Райнгольдом за привязанную к ней верёвку тянули. К вечеру мы валились с ног, но, немного отдохнув, я отправлялся к дружку Ване Фишеру.

Ваня был один из тех немногих моих друзей, с которыми я находил общий язык. Думаю, что человек и не может иметь много друзей. Если их много, значит, их нет. Дружба требует, прежде всего, взаимоуважения и взаимопонимания. Здесь нет мелочей, здесь всё серьёзно. В последний год войны мы с ним пасли коров: он — колхозников, а я — колхозных. Это не то, что овец пасты. Выгоняли стада далеко, иногда до 8-10 километров. Кругом — заросли бурьяна, в которых водились волки. Страшновато было. Но рядом с Ваней, с его прибаутками и песнями страх улетучивался. Наша дружба при всей разности наших характеров укрепляла во мне уверенность в самом себе, что я тоже на что-то способен и могу добиться кое-чего в жизни. А это было очень важно в том возрасте, когда родителями ты не доволен, как и они тобою, а кругом все чужие и непонятные.

Отец пытался пристроить Регинальда заведующим клубом, но его не утвердили в этой должности. Ему ещё не было семнадцати лет. Словом, оставалось трудиться в колхозе: зимой — на разных работах, а летом — учётчиком в бригаде. Это дало юноше возможность активно участвовать в любимом драматическом кружке.

Отца это не устраивало, и он отправил документы сына в Москву на заочные курсы немецкого языка, которые сам окончил до войны. Регинальд получал контрольные работы, но вяло их выполнял, а вскоре и совсем забросил. «Не понимал я тогда, важно было для меня заниматься родным языком. Но, видимо, не моя это была судьба. Мне гораздо больше нравилось играть разные роли в пьесах Чехова, Островского и современных драматургов, фамилии которых я уже знал.»

В пьесе Чехова «Свадьба с генералом» он играл телеграфиста Ятя. В современной пьесе «Свадьба с приданным» играл положительного героя бригадира Максима.

Самодеятельный режиссёр Шнайдер строго запрещал артистам поворачиваться спиной к зрителям. Поэтому публика прекрасно видела, как артисты исполняли свои роли. Фальшь тут же осмеивалась и сопровождалась из зала язвительными репликами. Но обычно сельчане принимали артистов сердечно и бурно реагировали на удачные сценки.

«Помню, в одной пьесе я играл старого профессора. Я сидел за столом, загримированный под седовласого старика, и произносил возвышенный монолог. В какой-то момент у меня начали отклеиваться усы, залепляя рот. Как я только ни старался, чтобы зрители не заметили это, мне не удалось скрыть дефект, и тут кто-то из зала крикнул: «Регинальд, да выплюнь ты эти усы!» Раздался дружный хохот.

Хуже было в другой пьесе, когда я играл шпиона, и мой герой, должен был выпрыгнуть в окно, спасаясь от преследования контрразведчиков. Поднявшись на подоконник, я оступился, и во весь рост грохнулся за декоративным окном, но уже на настоящий пол. Получилось так естественно, что зрители бурно захлопали, не подозревая, что я весь в синяках поднялся с пола и побрёл, прихрамывая, в комнатушку, где мы обычно репетировали».

Агрошкола – сельхозтехникум*

Все мои попытки продолжить учебу после восьмилетки оканчивались неудачей. Куда бы я свои документы ни отправлял, они либо возвращались без ответа, либо вовсе исчезали. Во всем была повинна моя национальная принадлежность - немец. Даже после победы СССР над фашистской Германией продолжалось жестокое ущемление прав советских немцев. Поголовное принудительное переселение немцев Поволжья на восток страны в 1941 году и ликвидация автономной Республики немцев Поволжья имели самые отрицательные последствия, прежде всего, для самих немцев. После войны не было объективных причин, чтобы не восстановить Республику. А ужесточение режима проживания немцев в местах поселений привело к резкому снижению уровня образования детей.

Я очень расстроился, когда меня не пригласили на приемные экзамены в

Казанское культурно-просветительное училище и документы не вернули. Рухнула моя заветная мечта стать режиссером. В моем юном воображении на фоне ночного неба возникала огромная сцена с шекспировскими героями. Мои познания о Шекспире были весьма скудными, но именно его трагедии больше всего, как мне казалось, отражают тот мир, в котором я живу. И сейчас, по истечении многих десятилетий, глядя на ночное звездное небо, я вижу картины тех представлений, полные величия и трагизма. А наяву это уже не фантазии, а реальные сюжеты, действующие герои срываются со сцены, окровавленные, цепляясь друг за друга. Мои боги и богини трансформировались в чудовищ.

Летом 1949 года в газете «Омская правда» появилось объявление о приеме учащихся во вновь организованную Омскую областную агрономическую трехгодичную школу. Отец настаивал, чтобы я поступил в эту школу, ибо он понимал, что другие учебные заведения мне не светят. В Омск я отправился без всякого энтузиазма, так как органически не воспринимал городскую жизнь. Стыдно сказать, я три дня разыскивал это злосчастное заведение, но так и не обнаружил его. Точно следуя по адресу, указанному в газете, я каждый раз оказывался на огромном пустыре. Слева тянулись пожухлые закопченные жилища, впереди виднелся железнодорожный переезд, а справа километре в полтора - деревянная изгородь, густо обрамленная колючей проволокой. Через каждую сотню метров торчала вышка, а на ней в будке - охранник. Никаких признаков учебного заведения мне не удалось обнаружить. Все прохожие пожимали плечами и отвечали, что понятия не имеют о какой-то агрономической школе. Несолоно хлебавши, но со скрытой радостью, я вернулся в свою деревню.

Отец негодовал. По его замыслу эта школа должна была вывести меня в люди. Теперь же мне остается только «колхозным волам крутить хвосты». Днем я работал в колхозе, а вечерами меня уносило к клуб. Мне не забыть репетиции в холодной комнате сельского клуба, где мы, самодеятельные артисты, сидим вокруг печки, то бишь «буржуйки», и внимательно слушаем Александра Готфридовича Шнайдера. Мне как самому молодому и хилому «артисту»- разрешалось верхом сидеть на теплой печке. Я чувствовал себя свободно и охотно выполнял все пожелания нашего самодеятельного режиссера. Ставили мы разные пьесы. Но особый успех у наших сельчан имели инсценировки на злобу дня, написанные нашим обожаемым завклубом.

Днём он работал в колхозе, а вечерами его уносило в клуб. Не забыть репетиции в холодной комнате сельского клуба, где самодеятельные артисты, сидя вокруг печки, внимательно слушали Александра Готфридовича Шнайдера. Регинальду как самому молодому и хилому «артисту» разрешалось сидеть верхом на тёплой печке. Ставили разные пьесы. Но особый успех у сельчан имели инсценировки на злобу дня, написанные завклубом.

Зима пронеслась вихрем. Весной 1950 года меня поставили учетчиком в бригаде. В августе отец решил-таки осуществить свою идею. Теперь он сам поехал со мной в Омск. К нам еще присоединилась одна из учениц отца - Лидия Батуц. Когда мы втроем вышли из автобуса на остановке в конце улицы 10-летия Октября предо мной открылась знакомая картина. Отец быстро пошел вдоль забора. Мы с Лидой еле попевали за ним. Слева те же закопченные жилища

«самых счастливых советских тружеников», справа - тот же лагерный забор и вышки с охранниками. Отец молчал и как-то странно косился на вышки. Видимо, они напомнили ему омскую тюрьму и трудовармейские лагеря. Тем временем мы миновали этот пугающий забор, пересекли железнодорожный переезд и примерно через полкилометра очутились у полуразрушенной деревянной ограды, очень похожей на лагерный забор. За оградой виднелся двухэтажный дом приличной архитектуры, видно, недавно отремонтированный. В нем и располагалась организованная год назад Омская областная трехгодичная агрономическая школа. Прошло с тех пор много лет, но я так и не понял, как отец нашел эту школу, в которой мне предстояло учиться три года и которая 8 моей судьбе стала трамплином к непростой, но насыщенной событиями жизни.

В помещении, где располагалась приемная комиссия, кипели страсти. Юноши и девушки, в основном из села, одурманенные пропагандой, искренне желали участвовать в осуществлении великого сталинского плана преобразования природы. Признаюсь, я был страстным приверженцем этого фантастического плана. Не помню, сколько экзаменов надо было сдавать, но не менее 4-5. По математике, физике и ботанике я вытянул на четверки и пятерки, а по диктанту срезался - тройка. Это означало, что по конкурсу я не пройду. А конкурс солидный, по 10-11 абитуриентов на место.

На помощь пришел отец. Он очень хотел, чтобы хоть один из семерых детей приобрел специальность и помогал ему содержать семью. Бедный мой отец. Напрасные мечты. Приемной комиссии мои слабые знания русского языка он объяснил тем, что в годы войны с нами, немецкими детьми, никто из русских преподавателей не желал заниматься. Это была суцая правда. «Фрицами» нас считали. Вот пример. Из районного центра направили в наше село молодого преподавателя русского языка. Его отец и старшие братья сражались на фронте против фашистов. Теперь он должен был учить «этих фрицев» русскому языку. Он выдержал один месяц и решил уйти добровольцем на фронт, отправился пешком в районный центр, чтобы обратиться в военкомат. Сибирский мороз его не пощадил. Еле живой, с обмороженными руками и ногами юноша добрался до районного центра - Шербакуль. На этом его борьба с фрицами закончилась. Моя бабушка Эмилия молилась за него и причитала: «Зачем же он Бога прогневил? Что мы ему плохого сделали?»

Отец добился своего и меня пригласил на собеседование исполняющий обязанности директора школы Александр Петрович Водолажский. Я не успел переступить порог директорского кабинета, как худой и очень подвижный человек с выпученными глазами буквально обрушился на меня с вопросом: «Ты что ж диктант написал на тройку? Другие предметы сдал ведь на хорошо и отлично». Я не успел ответить, как последовало: «После окончания школы будешь работать агрономом в колхозе?» Я выпалил: «Буду», имея смутное представление о работе агронома. «Ну, смотри» - угрожающе, исподлобья он посмотрел на меня и на экзаменационном листе слева в верхнем углу быстро что-то написал. Я пулей выскочил из кабинета. Отец схватил листок и засиял. «Зачислен», - с глубоким выдохом сказал он.

Мною овладело странное чувство. С одной стороны, я должен был радоваться, что имею возможность продолжить учебу, а с другой - мне не хотелось расставаться с родным домом и с драмкружком. Но не предполагал отец, что быть зачисленным - еще не значит учиться в агрошколе. Мой доброжелатель оказался весьма изобретательным по части приема молодого поколения в учебное заведение. Он зачислил вдвое больше абитуриентов, чем требовалось по спущенному сверху плану, и тем самым оставил себе широкое поле деятельности для отбора наиболее желательных, по его представлениям, будущих учащихся.

Этот месяц до начала учебы стал суровым испытанием для каждого из нас. Работали мы в учебном хозяйстве агрошколы, главным образом на уборке корнеплодов и картофеля. Дисциплина железная. Публика наша была очень разнообразной как по возрасту, так и по жизненному опыту. Одни только закончили восемь классов средней школы, а другие отслужили армию и даже с фашистами успели повоевать. О последних ниже особый разговор. До начала аудиторных занятий часть абитуриентов жила на частных квартирах в городе, а другая - располагалась в клубе, который находился в главном здании школы. К 8 часам утра нам полагалось стоять в строю, «на линейке». Ежедневная переключка выявляла опоздавших и тех, кто не выполнил положенную норму на уборке картофеля или корнеплодов. Тут же зачитывался очередной приказ и.о. директора об отчислении еще несостоявшихся учащихся, которые не выполнили нормы в предыдущий день. Ряды наши катастрофически редели изо дня в день. Мне, привыкшему к физическому труду, и то эти нормы удавались с большим трудом. В иные дни я собирал морковь на отмеренном мне участке до наступления полной темноты. А еще предстояло пешком добираться до квартиры в городе. Это километра четыре...

После окончания уборки и благоприятного для меня завершения испытательного срока, начались долгожданные занятия. Я с каждым днем все явственнее ощущал внутреннюю потребность учиться. В сельской школе такой потребности не было. Оторванный от родного очага, оказавшись в совершенно новой обстановке, я почувствовал, что могу жить самостоятельно. Мне прихлась по душе сама атмосфера в агрошколе, отношение преподавателей к нам было совершенно иным, чем в школе...

Из воспоминаний Р. Цильке (газета «Sibirische Zeitung», 2007 год): «...Март 1953 года. Наш курс готовился к производственной практике. И вдруг весть о болезни Иосифа Виссарионовича Сталина. Как и во всем Советском Союзе, в техникуме все замерло. Сталин - это сложно и гадко. Одним словом не объяснишь. Слава Богу, он быстренько его прибрал, и жизнь продолжалась. От похоронных церемоний, которые мы, преподаватели и студенты, слушали по радио, стоя по стойке смирно в клубе, в памяти остались всхлипывания ближайших соратников тирана. Особенно выделялся Молотов, чью жену Сталин годами держал в ссылке. Объявленный траур по «отцу всех народов» особенно некстати прихлся женщинам. Все же 8-е Марта.

Но лучшее решение в этот день приняла наша хозяйка. Она попросила нас, квартирантов, отчистить от ила колодец на дворе. Полдня мы провозились и задание выполнили. Коля вытащил меня из колодца, озябшего и чумазого. В награду

хозяйка испекла пирогов с картошкой и поставила их целый тазик на стол. У нас чуть глаза на лоб не вылезли от такой щедрости. Но главное было впереди. Наша благодетельница налила каждому по пол-литровой банке бражки, изготовленной на хлебных дрожжах и сахаре.

В апреле началась подготовка к практике. Мы внимательно слушали напутствия преподавателей и специалистов областного управления сельского хозяйства, которые очень серьезно и обстоятельно готовили нас к нашему первому испытанию на агрономической стезе. Особенно подробно говорили о сроках и качестве полевых работ, о нормах высева, о творческом подходе к профессии.

Первую производственную практику мне предстояло пройти в Шербакульском районе, в 40 километрах от родного села Новоскатовка того же района. В 21 год я стал участковым агрономом-практикантом в двух колхозах, обслуживаемых Изюмовской машинно-тракторной станцией (МТС). Директор МТС Смирнов принял меня приветливо, хотя видно было, что он строг с подчиненными. На первом приёме он чётко объяснил мне мои задачи как участкового агронома. Никаких скидок на то, что я ещё студент и не имею практики. МТС - государственное учреждение и в своей работе я должен защищать его интересы. На этом строилась вся партийно-государственная политика.

Я это еще на своей собственной шкуре испытал во время войны, когда мальчишкой и юнцом работал в родном колхозе имени Розы Люксембург. Всё лето работал либо пастухом, погонщиком или учетчиком, а в завершение в бухгалтерии мне сообщали, что я остался должником, ибо питался на полевом стане у колхозной кухарки. Такую сверхбесстыжую систему оплаты детского труда могли изобрести только коммунисты...»

Начало целинной эпопеи

Осенью 1953 года Регинальд Цильке сдал государственные экзамены, и ему вручили диплом с отличием по специальности «агроном-полевод широкого профиля» и направление на работу главным агрономом Ореховской МТС Омской области.

Разыскав на карте место будущей работы, молодой агроном пришёл в уныние. Север, тайга и болота. Он, хотя и коренной сибиряк, но вырос в степи и не имел никакого представления о тех краях. Но особенно он не тужил. Целый месяц ему предстояло провести в родном селе, среди своих родных и друзей.

Отец обстоятельно изучил диплом, произнося вслух оценки по всем предметам. Он искренне радовался тому, что старший сын столь успешно завершил учёбу и, получив специальность, станет подмогой в семье, где ещё шестеро детей.

Из нашего села мало кто обучался в городе и появление Регинальда в селе, да ещё с «красным» дипломом, обрадовало его друзей и просто сельчан. Все искренне поздравляли его. Дошла весть и до председателя колхоза. Он пригласил Регинальда в контору и после разговора сказал: «Ты же наш колхозник, вот и будешь у нас агрономом работать. А направление исправим».

Регинальд несколько смутился в связи с таким неожиданным решением, но согласился. К тому же он знал, что отец обрадуется, если сын останется дома.

Председатель колхоза вместе с бухгалтером сочинили письмо с просьбой направить Цильке Р. А. агрономом в колхоз им. Розы Люксембург, так как до учёбы он был членом данного колхоза. Через месяц пришло новое направление.

Но в своём селе работать ему пришлось недолго, и занимался он в основном семенами. Отбирал пробы, оформлял документы и доставлял их в районную семенную инспекцию.

Институт

Отработав положенный срок агрономом в Екатеринославской МТС, Регинальд решил продолжить учёбу в институте. Горячо поддержал его устремления главный агроном. В один из августовских дней Регинальд отправился в Омск сдавать документы в приёмную комиссию Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова.

На этот раз ему повезло. Документы у него приняли и подтвердили, что наличие диплома с отличием освобождает от сдачи приёмных экзаменов. Так в 1954 году Регинальд поступил в Омский сельхозинститут на агрономический факультет.

Учёба в институте на первом курсе давалась ему нелегко, особенно по математике и химии, потому что по этим дисциплинам у него был минимальный запас знаний, так как в техникуме математики вообще не было, а химия преподавалась в маленьком объёме.

На последующих курсах, когда появились агрономические дисциплины – почвоведение, земледелие, растениеводство, селекция, Регинальд неплохо справлялся с лекционным и практическим материалом. Это позволило ему больше времени уделить исследовательской работе и научной литературе.

Молодого человека захватывали книги по селекции, дарвинизму. Он охотно читал художественную литературу, но только классику, особенно Шекспира, Гёте. Его не тянуло к современной литературе, но он с упоением читал рассказы Горького, повести Куприна и Бунина. Пристрастия Регинальда формировались под влиянием отца. Ему хотелось непременно освоить язык предков, поэтому он читал книги на немецком языке.

Ещё в студенческие годы Регинальд Цильке стал «отщепенцем» лысенковской науки. Люди старшего поколения помнят драматические последствия решений Академии наук СССР 1948 года, которые не оставляли живого места на подлинной конструктивной науке.

Он же на студенческих научных конференциях говорил о Менделе и Вавилове, о западных учёных Вейсмане и Моргане. Было у студента агрофака Омского сельскохозяйственного института Регинальда Цильке с администрацией, парткомом и другими «карательными органами» много неприятностей. Но студента Цильке «пронесло», благодаря поддержке и защите значимых людей в институте – профессора Н. Р. Кожевникова, доктора И. Н. Бодрова и других.

Научная деятельность

После института Регинальд Александрович (с красным дипломом) был направлен вместе с двумя молодыми специалистами организовать и руководить целинным совхозом «Красный Октябрь» Черлакского района Омской области.

Проработав главным агрономом положенный срок, он вернулся в 1961 году в институт и поступил в аспирантуру. Ещё в студенческие годы он стал заниматься научно-исследовательской работой по селекции пшеницы.

В 1967 году Регинальд Цильке – кандидат сельскохозяйственных наук. Молодого учёного пригласили в Сибирский НИИ сельского хозяйства в Омске для организации лаборатории генетики и цитологии. Здесь он начал реализовывать программу по генетическим основам селекции растений. Участвовал в разработке и реализации программы по созданию серии уникального сибирского сорта мягкой яровой пшеницы «Мильтрум 553», а также в разработке и реализации первой крупномасштабной программы «Генетические основы селекции пшеницы в Сибири (ДИАС)». Разработанные им сорта были испытаны и районированы в восьми экологических точках – от Южного Урала до Забайкалья. Это был беспрецедентный опыт в мировой практике. В результате осуществления программы разработаны принципы экологической селекции и получен селекционный материал для создания новых сортов пшеницы для Зауралья, Западной и Восточной Сибири.

Не раз ему говорили: без вступления в партию не видать докторской степени... На все «уговоры» он отвечал: «Нет, только честным трудом в науке я добьюсь своего».

В 1978 году Регинальд Цильке организовал в Новосибирске лабораторию генетики в Сибирском НИИ растениеводства и селекции.

В 1984 году он защитил докторскую диссертацию, а через два года получил звание профессора.

Регинальд Александрович Цильке достиг высшего ранга в науке – стал учёным-селекционером, и на этом поприще достиг больших успехов. Последний сорт мягкой яровой пшеницы «Кантегирская-89», выведенный им вместе с коллегами, занимает сейчас сотни тысяч гектаров посевных площадей в Западной и Восточной Сибири.

На счету Р. Цильке ряд монографий и 150 научных работ, большинство из которых опубликовано в академических журналах.

В Новоскатовском музее есть научные издания, подаренные профессором: «Генетические основы селекции мягкой яровой пшеницы на продуктивность в Западной Сибири: Монография», «Генетика, цитогенетика и селекция растений. Собрание научных трудов». Регинальд Цильке – соавтор книги «Немецкие корни на русской земле» /Вольф Э.Л., Глок Л.Э., Гурин В.В., Цильке Р.А./.

Профессор Р. Цильке был инициатором и создателем немецкого центра при аграрном университете; организовал активные студенческие и научные обмены между Новосибирском и Германией.

Его студенты из Новосибирска продолжают учёбу в университете имени Александра Гумбольдта в Берлине. Он воспитал более дюжины кандидатов и докторов наук по всей Сибири.

За большой вклад в науку, подготовку кадров и активную международную деятельность Регинальд Александрович Цильке удостоен звания Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Ему присвоены звания: Почётного доктора университета имени Гумбольдта в Берлине (ФРГ), Почётного профессора Новосибирского Государственного аграрного университета. В 2012 году наш земляк

профессор Р. А. Цильке стал Лауреатом Всероссийского конкурса «Лучшие имена немцев России» в области науки им. Бориса Раушенбаха.

*из книги Р. А. Цильке «МЖСК»